

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 316.4
© 2014 г.

Ф.А. Барков

СИМВОЛИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ
В МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
КОНСТРУКТА ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Барков Федор Александрович – кандидат социологических наук, докторант Южного федерального университета
e-mail: barkovfedor@gmail.com

Аннотация. В статье проводится системно-семантический анализ понятия агрессии, выделяются теоретические подходы к исследованию агрессии и ее формы, в контексте чего обосновывается понятие символической агрессии в межэтнической коммуникации. Предлагаются теоретическая перспектива (феноменологическая социология, социальный интеракционизм, этнометодология) и основы исследовательской стратегии при анализе данного явления (поиск и объяснение «разрывов» рутинности, связанных с различиями в групповой идентичности, конвенциональных поведенческих кодексах, обусловленных этноинституциональным воспроизводством), а также ряд эмпирических индикаторов.

Ключевые слова: агрессия, идентичность, этничность, повседневность, символы, интеракционизм, этноинституты.

Полиэтничность региона или страны обуславливает необходимость концептуализации и классификации различных форм и типов взаимоотношений между этносоциальными общностями. Эти взаимоотношения могут носить характер системно регистрируемого социаль-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Советом по грантам Президента РФ (№ МК-1154.2014.6).

ного взаимодействия, а могут проявляться как локальные вспышки этносоциальности в определенном контексте. Одной из таких форм, которая, на наш взгляд, заслуживает внимания и определенных усилий по концептуализации, является проявление особого рода агрессии, враждебности со стороны представителя одной этносоциальной группы по отношению к представителю другой этносоциальной группы. Речь идет не о прямой агрессии или ксенофобии и, конечно, не об идеологизированных формах этнонационализма, а об определенных «нестыковках» в повседневных взаимоотношениях, которые порой приобретают особую значимость. Речь идет о проявлении символической агрессии в межэтнической коммуникации.

Данное понятие призвано высветить один из аспектов социального взаимодействия в контексте проблем, связанных с этнической инаковостью, усилением миграционных потоков и недостаточной эффективностью политики этнокультурной интеграции внешних и внутренних мигрантов. Общим фоном актуализации данного понятия является усиление ксенофобии вследствие усиливающихся миграционных потоков в условиях ограниченных возможностей государственного регулирования в данной сфере, сохранение, а подчас и увеличение культурной дистанции между этнокультурными и этноконфессиональными макрогруппами в России (русские и кавказцы, православные и мусульмане и т.п.), но самое главное – все большее проникновение различных форм агрессии и даже насилия в сферу межэтнической коммуникации [1, с. 35–39].

Сегодня можно утверждать, что агрессия стала играть в межэтническом взаимодействии и коммуникации весьма заметную, если не определяющую роль. Данный тезис, однако, относится не к удельному весу агрессии в общем объеме социальных взаимодействий, а к ее символическому значению, влиянию на формирование этнических стереотипов и установок на восприятие «этнически другого». Подтверждением этого является тот факт, что, если ситуация межэтнического взаимодействия протекает без какой-либо формы агрессии, она обычно не проблематизируется ни ее участниками, ни сообществами, ни обществом в целом. Если в ситуации межэтнического взаимодействия участниками фиксируются признаки агрессии, у такого события гораздо больше шансов получить огласку, быть транслированным в социальном окружении на уровне слухов, рассказов, стереотипов, наконец, выйти в информационное пространство сети Интернет или даже быть отображенным в сообщениях СМИ. Но стоит обратить внимание на то, что ключевая фраза здесь – «участниками фиксируются призна-

ки агрессии». Иными словами, проблема символической агрессии в межэтническом взаимодействии – это проблема социальных определений, интерпретации, а также взаимодействия социальных правил, этноинституциональных норм, которое и является предметом интерпретаций. Символическая агрессия – это не столько агрессия против конкретного индивида, сколько агрессия против определенного порядка, точнее конкретной интерпретации данного порядка, наличествующей в сознании участника конфликтной ситуации.

Проблема символической агрессии в межэтнической коммуникации хорошо распредмечивается посредством этнометодологической схемы Г. Гарфинкеля. Если мы рассматриваем отдельно взятое взаимодействие двух индивидов, включенных в различные этноинституциональные поля (имеющих различную идентичность, представления о допустимом и недопустимом и т.п.), как некую повседневную сцену, то этой сцене всегда предшествуют некие фоновые ожидания, с помощью которых ситуация и становится социальной реальностью, «проигрывается», с помощью которых состыковываются деятельностные (или поведенческие) коды участников ситуации. Если ожидания участников от «сценария сцены» приблизительно соответствуют друг другу, все проходит более или менее рутинно, самой собой и как бы незаметно. Но в ряде случаев «обыденные сцены превращаются в заметные», обнаруживается несоответствие фоновых ожиданий участников сцены и ее реального протекания, «стандартизированные и стандартизирующие» признаки повседневного взаимодействия становятся нарушенными [2, с. 47-48].

Именно в этих случаях чаще всего действия представителя иной этнической группы воспринимаются как символически агрессивные, то есть направленные на нарушение привычных схем взаимодействий, привычного порядка вещей. Именно подобного рода нарушения привычного, неререфлексируемого порядка дают почву для обвинений мигрантов, представителей этнических меньшинств, «гостей города, региона» в сознательном или несознательном несоблюдении неписаных социальных конвенций.

Очевидно, что символические формы агрессии должны пониматься не узко (как вербальная или жестикулярная агрессия), а социологически в духе символического интеракционизма – как любые социальные маркеры или действия, которые в данных условиях могут восприниматься индивидом в качестве формы психологического, культурного или этноинституционального давления. В таком определении подчеркивается важность не только самих действий, а именно их ин-

терпретации. Однако принципиальное методологическое значение анализа конфликтных, символически агрессивных взаимодействий заключается не только в разборе того, как формируются агрессивные установки, но и того, как они тиражируются в сообществе.

Происходит это главным образом посредством «ужимания» всего разнообразия конкретной информации до формата стереотипов, которые приобретают характер устойчивых оценочных образцов и мнений, зачастую и устойчивых языковых выражений. В современном мире дискурсивной единице необязательно иметь форму даже устойчивого языкового выражения, чтобы оказывать сильное преформирующее воздействие на массовое сознание. Так, одним из доказательств такой функциональной роли агрессии как атрибута социального конфликта в формировании общенациональной атмосферы межэтнического взаимодействия является то, что сама по себе межэтническая проблематика категоризируется преимущественно не в терминах общеидеологических установок (наподобие «интернационализма», межнациональной дружбы, мультикультурализма и т.п.), общегражданских конструктивных определений (например, «украинские канадцы», «китайские канадцы» в Канаде), а в терминах этнического контрпозиционирования и даже противостояния. Выражаться подобное конфликтное отношение может как в повседневных опривыченных прозвищах, так и в журналистских штампах и конструктах.

Возрастанию функциональной роли символической агрессии в межэтнической коммуникации способствует целый ряд обстоятельств: конкуренция этногрупп в экономических нишах (в том числе теневой или серой экономике), формирование территориальных анклавов, анклавно-пограничных зон (и в сельской местности, и мегаполисах), депривация этнического самосознания русских и усиление демонстрации этнических маркеров мигрантами в ответ на фрустрирующие условия, конкуренция этнических институтов за установление нормативного определения реальности. Очевидно, в этих условиях символическая агрессия становится не только следствием конфликта интерпретаций обыденных сцен, не только фактором их конструирования, но и инструментом борьбы за право определения конвенциональных правил в условиях полиэтничности. Именно поэтому конфликт, связанный с символической агрессией, необязательно может быть конфликтом интерпретаций (т.е. бессознательным), он может быть вполне сознательным.

Символическую агрессию могут содержать и чрезмерная демонстрация культурных маркеров, четкое проведение этногрупповых гра-

ниц (особенно если это связано с эксклюзивией), утверждение этногрупповой идентичности посредством демонстрации не типичных для данного социального окружения культурных форм. Конфликт этноинституциональных норм прибывающего населения и институциональных норм принимающего населения является важным фактором формирования межэтнической напряженности в контексте интенсивных миграционных процессов. Так, в качестве символически агрессивных и при этом этнически фундированных действий житель российского мегаполиса может воспринимать танцы на центральной площади в исполнении кавказцев, стрельбу из свадебных кортежей, групповое отправление обрядов мусульманами, даже «чрезмерное» скопление мигрантов в том или ином месте. В свою очередь, жители кавказских республик как агрессивное могут воспринимать поведение, которое не вписывается в нормы традиционной культуры, – отсутствие платка на голове у женщин, ношение коротких юбок женщинами, коротких шорт мужчинами, употребление алкогольных напитков, тех или иных выражений и т.д.

Систематизация форм символической агрессии в межэтнической коммуникации, выявление этнокультурных и этноинституциональных условий, которые стоят за интерпретацией того или иного поведения как символически агрессивного, должны позволить уточнить понимание причин роста ксенофобии в российском обществе, а также сформулировать дополнительные технологии преодоления и профилактики межэтнической напряженности в контексте стратегии формирования единой российской гражданской нации. Однако прежде чем проводить такого рода детализированный анализ, направленный на выявление интерпретационной, этноинституциональной и этноконкурентной составляющих в проявлениях символической агрессии, необходимо предпринять усилия по концептуализации символической агрессии в контексте различения ее от других смыслов общего понятия агрессии.

По мнению Т.Н. Банщиковой, до конца XIX в. вообще не существовало самостоятельного понятийного конструкта «агрессия», это понятие использовалось предельно широко, вбирая смыслы от стремления к самоуважению до конфликта и жестокости [3]. Определения, даваемые агрессии различными исследователями, зависят от методологических предпочтений последних. Так, одна группа авторов предпочитает использовать в дефинициях понятия агрессии такие предикаты, характеристики, которые можно подвергнуть «объективному наблюдению и измерению». В основном здесь говорится о нанесении или намерении нанесения определенного ущерба одним индивидом другому, при этом

ряд авторов останавливаются только на физическом ущербе, в то время как другие указывают и возможность нанесения психологического ущерба. Вторая группа авторов при определении понятия агрессии указывают на такой признак агрессивного поведения, как его соответствие или несоответствие определенным нормам. Можно сказать, что эта группа исследователей вводит контекстный и интерпретационный критерий в разграничении агрессии. Согласно этой точке зрения агрессия одновременно направлена сразу и против объекта, и против социальных норм, ее ограничивающих в данном ситуационном контексте. Наконец, третья группа авторов вводит в определение агрессии еще один квалификационный признак – мотивация агрессора (намеренность и ненамеренность).

Результатом учета всех дифференцирующих признаков агрессии как типа поведения являются подобного рода комплексные определения: «агрессия – это целенаправленное разрушительное, наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям и вызывающее у них психологический дискомфорт, отрицательные переживания, состояния страха, напряженности, подавленности» [4]. Но даже в таком многообъемном определении агрессии есть некоторые изъяны. В частности, на наш взгляд, это жесткая интерпретация критерия мотивированности агрессии, а также жесткая конъюнкция физического и психологического ущерба в результате акта агрессии. Другое дело, что процитированное выше определение агрессии, сформулированное Л.М. Семенюк, было предназначено для вполне конкретных инструментальных целей. Это подтверждает идею о том, что в рамках различных дисциплин в зависимости от конкретных целей исследования могут использоваться те или иные акцентуации при определении агрессии, выдвигаться на передний план те или иные смыслообразующие признаки понятия. В частности, Т.Н. Банщикова указывает, что за агрессией могут стоять цели повышения самооценки, самоутверждения, адаптации, самосохранения [3, с. 3].

Как отмечает П.В. Агапов, агрессия является предметом исследования целого ряда дисциплин – биологии, этологии, психологии, социологии, антропологии, этнографии, в рамках каждой из которых накоплен большой теоретический и эмпирический материал по данной теме. В социально-гуманитарном блоке наук агрессия рассматривается как социально-психологическое явление. Соответственно, выделяются следующие теории агрессии: *психоаналитическая теория* (З. Фрейд и

его последователи), для которой агрессия – результат проявления врожденного деструктивного влечения индивидуальной психики; *инстинктивистская теория* (К. Лоренц), в которой агрессия предстает как инстинкт борьбы, направленный против собратьев по виду; *теории фрустрации-агрессии* (Л. Берковиц, Р. Джин, Э. Доннерштейн, С. Фешбек), в которых агрессия предстает как реакция на фрустрирующие условия; *теория социального научения* (А. Бандура, Д. Зилмен, П. Зимбардо и др.), согласно которой агрессия – это форма поведения личности, приобретаемая и поддерживаемая социальными условиями, окружением; *теория социального влияния* (Дж. Тедещи, Р. Сми, Р. Браун и др.), в рамках которой само понятие агрессии рассматривается как своеобразный символ, используемый в зависимости от обстоятельств для обозначения тех или иных действий; *теория социального объяснения* (М. Биллинг, Р. Добэш), согласно которой агрессия есть результат скорее порождения определенных социальных структур, нежели индивидуальных поведенческих стратегий [5, с. 419–421].

П.В. Агапов отмечает теоретические достижения последователей З. Фрейда, отказавшихся от исключительно инстинктивистской интерпретации агрессии, в частности Э. Фромма, убедительно показавшего, что биологически запрограммированной у человека является лишь оборонительная агрессия, остальные формы агрессии носят преимущественно социальный характер. Это означает, что в любой социальной интеракции, где имеет место та или иная форма агрессии, как сама агрессия, так и ее восприятие в значительной степени обусловлены процессами интерпретации. В качестве одной из возможностей порождения необоснованной агрессии является так называемая проблема антиципации угрозы. П.В. Агапов видит способ устранить теоретические трудности, связанные с учетом «ошибки интерпретации агрессии» (проблема объекта агрессии) и «ошибки мотивации агрессии» (проблема субъекта агрессии) в рассмотрении агрессии как социокультурного феномена [5, с. 424-425].

Одной из самых авторитетных является теория агрессии Л. Берковица. В его работах концептуализируется и систематизируется континуум проявлений человеческой агрессивности от крайних форм (насилие, сопряженное со стремлением причинить физический ущерб) до проявления агрессии формы эмоциональности. В общем случае агрессию Л. Берковиц предлагает определять как «вид поведения физического либо символического, которое мотивировано намерением причинить вред кому-то другому» [6, с. 32]. При этом выделяются две крупные категории агрессии – инструментальная и эмоциональная.

Первая носит относительно рационализированный характер и направлена, как правило, на достижение какой-либо цели. В основе второй лежит эмоциональное возбуждение, враждебность, и она направлена на достижение разрядки от причинения другому какого-либо ущерба. Как отмечает Р.А. Петренко, наличие в акте агрессии определенной цели является для Л. Берковица дифференцирующим признаком, позволяющим отделить агрессию от таких форм конфликтной эмоциональности, как гнев или враждебность [7, с. 195]. Враждебность представляет собой недоброжелательную установку по отношению к другому, а гнев – это всего лишь определенное эмоциональное состояние.

Еще одним характерным элементом теории агрессии Л. Берковица является критика традиционного подхода, при котором агрессия рассматривалась как поведенческая реакция на фрустрирующие условия. Во-первых, как полагает ученый, агрессия может быть результатом научения (в частности это касается инструментальной агрессии), а не только последствием фрустрации как социально-психологического состояния. Во-вторых, как указывает исследователь, результатом фрустрации необязательно должна стать именно агрессия. Так, методологически важным в контексте исследования символической агрессии в межэтнической коммуникации является замечание Л. Берковица о том, что агрессия в ответ на фрустрирующие условия возникает с большей степенью вероятности, если за их возникновением видятся чьи-то мотивированные и намеренные действия, которые к тому же нарушают «принятые правила».

Общим недостатком социально-психологической теории агрессии Л. Берковица в контексте исследования символической агрессии является то, в ней больше внимания уделяется механизмам снижения агрессии через разрядку негативных чувств, катарсис, нежели объяснению условий возникновения и логики реализации агрессии как акта социальной интеракции, особенностям интерпретации того или иного действия как агрессивного (в том числе символически). Одним из преимуществ данного подхода является то, что ученый обратил внимание на возможность закрепления агрессивных моделей поведения у индивида (или группы), если на предыдущих этапах агрессия носила «успешный характер» [6, с. 433–436].

Вообще некоторыми исследователями предпринимались попытки сформулировать необходимые и достаточные условия для возникновения агрессии-гнева в первую очередь как эмоциональной реакции, перестраивающей поведение индивида. Так, Дж. Бьюдженталь говорит о следующих условиях: а) ожидания индивида относительно важных для него це-

лей или ценностей не оправдываются; б) сопряжение чувства разочарования с чувством несправедливости; в) индивид чувствует, что ресурсов для изменения обстоятельств у него недостаточно [8, с. 107]. В контексте интересующей нас проблемы – символической агрессии в межэтническом взаимодействии – отмеченные условия ценны самой отсылкой к связи ценностных ожиданий, чувства несправедливости и оценки самооэффективности как драйверов агрессивного поведения.

Одним из способов устранения методологических трудностей при раскрытии смысла понятия агрессии является выделение различных видов агрессии. Так, Т.Н. Банщикова выделяет *адаптивную агрессию* (возникает как реакция на определенные угрозы и опасности), *конструктивно-достижительную агрессию* (как условие и аспект самореализации), *эгоистически-прагматическую агрессию* (главной целью которой является причинение страданий окружающим или разрушение), а также *дефицитарную агрессию* (недостаточный уровень прагматизма и волевых качеств) [3, с. 6–9]. Однако, как мы видим, критерием различения видов агрессии здесь служит ее направленность на определенные цели и механизмы возникновения, а сам уровень рассмотрения агрессии остается фактически уровнем изолированного абстрактного индивида. Недостаток социальности в подобной рода классификациях приводит к затруднениям при выделении символической агрессии как формы межэтнической коммуникации.

В то же время среди различных идеальных типов агрессии Т.К. Касумов выделяет «агрессию, замешенную на "сгустке" социальности... смыслоагрессию», которая «имеет значения, изначально основанные на социальных контекстах угрозы и напряженности, интересов и желаний» [9, с. 77]. Отдельно исследователь говорит и об этнической агрессии как особой разновидности и связывает ее с «коллективными представлениями», содействующими формированию враждебных чувств и действий по отношению к представителям определенной нации. Очевидно, что в данном смысле речь идет об определенном рода идеологических конструктах, а также о конструктах массового сознания, связанных с оправданием враждебного отношения к представителям той или иной национальности.

На наш взгляд, для формирования понятия символической агрессии ценными являются следующие теоретико-методологические замечания Л.Я. Курочкиной и Д.С. Шагако [10, с. 141]: а) действия человека можно называть агрессивными не только по факту наличия определенных разрушительных или иных негативных последствий, но и при условии нарушения определенных норм поведения, принятых в дан-

ном сообществе [11, с. 83-84]; б) объектами агрессии могут быть не только индивиды, но и определенные социальные сообщества; в) оценка агрессии носит всегда относительный характер; г) вред, причиняемый вследствие агрессии, может лежать не столько в физической, сколько в моральной плоскости; д) агрессия может быть не прямой, осуществляться в косвенной форме.

Однако, несмотря на признание того, что агрессия всегда носит относительный характер, исследователи стоят на той точке зрения, что она как действие в принципе независима от того, кем и на каком уровне оценивается [10, с. 142]. На наш взгляд, подобный тезис несправедливо сужает объем понятия агрессии, в особенности в той части, которая касается взаимодействия индивидов, руководствующихся различными нормативными образцами, что часто имеет место в процессе межэтнической коммуникации. Тем более что сами авторы приводят цитату Ф. Ницше о том, что жестокость и насилие в отношении тех, кто стоит вне общины, часто практикуются и принимаются как нечто само собой разумеющееся. Кроме того, Л.Я. Курочкина и Д.С. Шагако подробно разбирают роль обрядов, связанных с насилием, в укреплении групповой идентичности и солидарности общин, отмечая, что акты насилия не считались актами агрессии по отношению к тем членам сообщества, которые, например, не прошли процедур инициации, остались чуждыми ему на символическом уровне.

Исследователи отмечают, что фактор групповой идентичности всегда был важнейшим критерием отнесения тех или иных действий к разряду насильственных, агрессивных, а ингрупповая солидарность – основанием дискриминации «чужаков», «недостойных» и т.п. Одной из осей подобного рода деления является и в настоящее время этносоциальная стратификация. Таким образом, факторы групповой идентичности, включенности в определенные моральные и поведенческие кодексы являются несомненными компонентами конструирования агрессии как социального явления, как аспекта межиндивидуальной и групповой интеракции.

Как полагает Д.З. Мутагиров, ксенофобия в той или иной степени присуща всем людям, является в определенной степени естественной установкой, выработанной в ходе социальной эволюции. Понятия «свой» и «чужой» формируются на драматическом историческом фоне, связанном с борьбой за доминирование тех или иных племен, народов в пределах того или иного ареала. По отношению к «чужому» на подсознательном уровне формируется установка тревожной неопределенности, а то и напряженности, связанной с возможной угрозой,

опасностью [12, с. 3-4]. Следует отметить, что социобиологические концепции напрямую связывают этноцентристские проявления с территориальным поведением групп, считают принцип «свой – чужой» предпосылкой межэтнической конфронтации, проистекающей из социобиоэволюционных процессов [13, с. 201].

Вообще ось идентификации «свой – чужой» является одной из наиболее эвристичных в исследовании символической агрессии. Так, например, иерархия социальных страхов (в которой, как показывают опросы, «чужаки», категоризируемые как мигранты или представители макроэтносоциальных групп, занимают далеко не последнее место) является важным предиктором потенциала символической агрессии.

Обычно о факторе групповой идентичности (включенности), дилемме «свой – чужой» говорится в контексте более критического, негативного отношения к членам аут-группы при прочих равных условиях, однако не менее важным является тот момент, что общая идентичность порождает не только разобщенность, но и является важнейшим резервуаром социального доверия. Общие ценности, культура, этнокультурный базис способствуют формированию более лояльного отношения. В этом контексте этноинституты функционируют как понижатели трансакционных издержек для членов общности и как повышатели для представителей разных этнообщностей [14, с. 70–118]. Соответственно, эмпирическая регистрация уровня социального доверия по отношению к представителю собственной и представителям иных этнических групп являются косвенными индикаторами потенциала символической агрессии в межэтнической коммуникации. Здесь стоит обратить внимание на тезис, согласно которому «недоверие к чужаку» чаще встречается среди меньшинств, нежели среди тех, кто идентифицирует себя с большинством, что объясняется более высоким уровнем тревожности относительно сохранения культурных традиций и проявлений дискриминации [15, с. 7].

Выше мы показали, что само понятие агрессии как формы поведения и социальной активности предполагает и такие формы, которые связаны не столько с насилием, сколько со сферой смыслов. В то же время наработки и посылки феноменологической социологии (А. Шюц), символического интеракционизма (Дж.Г. Мид, Г. Блумер), этнометодологии (Г. Гарфинкель) с убедительностью показывают, что смыслы тесно переплетены с повседневностью, рутинными взаимодействиями. Следовательно, основная стратегия, связанная с исследованием символической агрессии, должна заключаться в выяснении того, как и какие формы поведения в тех или иных контекстах воспринимаются участниками взаимодействия как драматически нарушающие,

разрывающие ценностные ожидания, умалчиваемые конвенции. В контексте межэтнических взаимодействий и коммуникации речь идет о разрывах рутинности, индуцированных расхождением в групповой идентичности и одобряемых моделях поведения, нормативной структуре этноинститутов, регулирующих те или иные аспекты поведения, процессами межэтнической конкуренции и борьбой за доминирование.

В такой постановке проблем речь идет в основном о ситуациях живого взаимодействия индивидов, что называется «лицом к лицу». Однако возможны и такие контексты символической агрессии, которые не связаны с непосредственным взаимодействием. Как правило, это касается наиболее резких форм символической агрессии, например актов вандализма по отношению к значимым для этногрупповой идентичности символам, выраженным в материальных объектах. Подобного рода символическая агрессия приобрела особый размах в связи с ситуацией на Украине и попыткой строителей очередной революции на Украине использовать механизмы этнонациональной мобилизации и культурного дистанцирования от «Русского мира». В таком аспекте символическая агрессия выступает и как разновидность политической технологии, и как форма пропаганды, и как механизм выработки однозначных маркеров лояльности при строительстве этнонационального государства.

И тем не менее основная исследовательская задача при рассмотрении явления символической агрессии в межэтнической коммуникации заключается в поиске ответов на два вопроса. Во-первых, насколько в сложном современном мире с его многомерными и многослойными идентичностями этничность (включая традиционную культуру) опирается на символы в своем воспроизводстве и конструировании. Во-вторых, в каком масштабе и каким образом эти символы попадают в нашу повседневную жизнь и при каких условиях способны вызывать между людьми и группами людей отношения дискриминации, напряженности, то есть опосредовать символическую агрессию.

Литература

1. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
3. Банищикова Т.Н. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2013.

References

1. Serikov A.V. Vliianie urovnia grazhdanskoj identichnosti na ekstremizatsiu mezhnatsional'nykh otnoshenii v regione // Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk. 2013. № 3.
2. Garfinkel' G. Issledovaniia po etnometodologii. SPb., 2007. S. 47-48.
3. Bانشchikova T.N. Agressiia kak poniatiinyi konstrukt: ob"iasnitel'nye kharakteristiki i vidy // Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal. 2013. № 8

№ 8 (август) [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13169.htm> (дата обращения: 18.08.2004).

4. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М., 2003.

5. Агапов П.В. Социальная агрессия: традиции исследования проблемы (от К. Лоренца к Э. Фромму) // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 5-6 (44-45).

6. Берковиц Л. Агрессия, причины, последствия и контроль. СПб., 2007.

7. Петренко Р.А. Способы предотвращения и редуцирования агрессии человека в концепции Л. Берковица // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 2.

8. Курбатова Т.Н. Самореализация и агрессия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2011. № 2.

9. Касумов Т.К. Метафизика агрессии: смыслы и внутренний опыт // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 3 (5).

10. Курочкина Л.Я., Шагако Д.С. Агрессия и насилие как актуальные факторы возникновения проблем в процессе межличностной коммуникации // Вестник Ярославского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (15).

11. Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1991. № 1.

12. Мутагиров Д.З. Ксенофобия как социальное явление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 1.

13. Поляков Е.М. Конфликт, агрессия и насилие: концептуальная взаимосвязь // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 201.

14. Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д., 2012.

15. Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 7.

(avgust) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13169.htm> (data obrashcheniia: 18.08.2004).

4. Semeniuk L.M. Psikhologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniia podrostkov i usloviia ego korrektsii. M., 2003.

5. Agapov P.V. Sotsial'naia agressiia: traditsii issledovaniia problemy (ot K. Lorentsa k E. Frommu) // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2008. Vyp. 5-6 (44-45).

6. Berkovits L. Agressiia, prichiny, posledstviia i kontrol'. SPb., 2007.

7. Petrenko R.A. Sposoby predotvrashcheniia i redutsirovaniia agressii cheloveka v kontseptsii L. Berkovitsa // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniia regionov. 2011. № 2.

8. Kurbatova T.N. Samorealizatsiia i agressiia // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 16: Psikhologii. Pedagogika. 2011. № 2.

9. Kasumov T.K. Metafizika agressii: smysly i vnutrennii opyt // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta. Serii «Ekonomika i pravo». 2011. № 3 (5).

10. Kurochkina L.Ia., Shagako D.S. Agressiia i nasilie kak aktual'nye faktory vzniknoveniia problem v protsesse mezhchelovecheskoi kommunikatsii // Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2011. № 1 (15).

11. Rumiantseva T.G. Poniatie agressivnosti v sovremennoi zarubezhnoi psikhologii // Voprosy psikhologii. 1991. № 1.

12. Mutagirov D.Z. Ksenofobiia kak sotsial'noe iavlenie // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 6. Vyp. 1.

13. Poliakov E.M. Konflikt, agressiia i nasilie: kontseptual'naia vzaimosviaz' // Vestnik Omskogo universiteta. 2013. № 3 (69).

14. Barbashin M.Iu. Instituty i etnogenez: institutsional'noe vosproizvodstvo etnicheskoi identichnosti v lokal'nykh soobshchestvakh. Rostov n/D., 2012.

15. Shnirel'man V.A. Ksenofobiia, novyi razizm i puti ikh preodoleniia // Gumanitarnaia mysl' Iuga Rossii. 2005. № 1.